

УДК 008.001

Юлия Александровна Шабанова,
*доктор философских наук, профессор,
зав. кафедры философии и педагогики
Государственного ВУЗ
«Национальный горный университет»*

НОМО CULTURAE: ИЛИ «СПАСИТЕЛЬНАЯ ОБРЕЧЁННОСТЬ» НА КУЛЬТУРНОЕ САМОСОХРАНЕНИЕ*

Мир культуры как наиболее естественное пространство осуществления полноты бытия человека, к 21 веку представляет сложное явление как в онтологическом, так и в экзистенциальном смысле. Очевидно, с этим связан современный феномен современной гуманитаристики, в которой культура занимает противоречивые формы осуществления и осмысления. С одной стороны, парадоксальным, а с другой – закономерным является то, что интерес к сущности культуры, которая всегда являлась наиболее целостной формой осуществления человека, пробуждается на том этапе, когда культура подвержена самовырождению. Результаты культурного развития породили опасность нивелирования культурного начала в человеке. Сегодня среди философов и культурологов всё более распространяется позиция признания в современном обществе состояния «посткультуры» [1], что, по сути абсурдно, исходя из

* В першій редакції стаття під назвою "НОМО CULTURAE: к проблеме самовыживания" надрукована у виданні: Філософія і політологія в контексті сучасної культури. – 2016. – Вип. 1 (10). – С. 264-270.

имплицитной характеристики человека как существа «культурного». Культурного в смысле самоосуществляющегося через расширение своих бытийственных форм, через «преодоление себя», себя несовершенного и восполнение себя целостного, через творческое становление и раскрытие полноты своей сущности, через многообразие социально-проявленных артефактов, через расширение смыслополагания и построение, в соответствии с ним, своего «жизненного мира».

Около 700 определений культуры, существующих сегодня в недрах гуманитарных наук, не достаточны для выражения всей полноты данного феномена. Явно одно: человек – существо культурное (*homo culturae*), то есть творящее «вторую природу», которая одновременно является и результатом его деятельности и необходимым условием этой деятельности. Культура – эквивокационна, то есть одновременно направлена к глубинам внутреннего единичного человека и его внешним формам общественного осуществления. Культура – основание, причина и цель человека. Утрата культуры – утрата возможности реализации «незавершённого проекта» под названием Человек. В этой связи, исследования современного состояния культуры обусловлены актуальной необходимостью обращения к данному феномену в связи с опасностью утраты смыслового стержня культурного осуществления человека, чем и обусловлена цель данной статьи в виде осмысления исторической судьбы и перспектив современной культуры.

Вопросы культуры традиционно рассматривались в контексте проблем культуры и цивилизации (О. Шпенглер, А. Тойнби) [2], культуры и нравственности (А. Швейцер, Н. Бердяев, Н. Рерих, С. Булгаков) [3], культуры в социальной динамике (П. Сорокин) [4] и т.д. Современность ожидает ревизии и переосмысления этих проблем в связи с определением перспектив выживания современного человека и общества в целом. Проблема заостряется в ракурсе западной культуры, базовая установка которой заключается в необходимости преобразования мирового хаоса в мировой порядок, в

котором человек есть основное действующее лицо. Данная мировоззренческая доминанта античной культуры генетически укоренилась в европейском типе культуры, опирающемся на веру в то, что потенциальный хаос, который всегда шире, чем порядок, можно преодолеть. При этом мы не имеем конечного образца миропорядка и даже возможности предположить его пределы, так как сами являемся атрибутом хаоса, то есть формой бытия, проявленного из небытия, хранящего неисчерпаемую потенцию к множественности объективаций. Стремясь несовершенным объяснить совершенное, мы загоняем себя в тупиковые ситуации, называя их время от времени кризисами культуры.

Но борьба за свою иллюзию порядка как системы, в которой всё ради человека, становится всё более бесполезной в контексте продвижения к отдалённому идеалу целостности. Так объясняются закономерные периоды варварства и цивилизации – граней дуальности в процессе культуротворчества. Именно так мы развиваемся через культурное осуществление, продвигаясь к пониманию «кто мы?». Этот вечный вопрос, которым задаются философы, является основанием для утверждения нашей счастливой «обречённости» на культуру, как глубинного лона бытия человека. «И не мы таковы, каково время, а время таково каковы мы» – писал Августин Блаженный [5, с. 117]. Мыслитель IV века н.э. в контексте своего времени отразил понимание культуры как выражение уровня развития сознания человека и мира культуры в соответствии с ним.

При этом культурология, как философская наука о культуре появляется только в XX веке. Представляется закономерным появление в XIX веке психологии – детища неклассической философии; а в XX веке культурологии – детища постнеклассического плюрализма и скрытого вопрошания о целостности. В достижении вопрошаемой целостности, человек «обречён» обратиться к самому себе, черпая из своей неосуществлённой культурности как потенциала непроявленного, эволюционно созревшие смыслополагания. Ибо в глубинах человека всегда остаётся потенциал, неупорядоченная латентность, скрытый

хаос, из которого разворачивается новый и новый порядок, как новая надежда на эволюционное самоосуществление. Только через индивидуальное творятся миры. Индивидуальное – источник неповторимости, оригинальности прочтения и осуществления через культуру обновлённых смыслов. Только личностное обогащает и движет культурой. Только экзальтировано-личностному имплицитно присуще воспоминание об абсолютном. Как утверждает Й. Хейзинга, «культура рождается именно в личности и в ней сохраняет свое здоровье» [6, с. 100]. Но, абсолютно «здоровой» культура быть не может, в силу имплицитной тенденции к развитию и обновлению, а следовательно, постоянному поиску и изменчивости своих форм. Особенно это касается западной культуры, в которой индивидуальное представлено в центрированно-личностном, обрекающем культуру Запада на эксцентрику. Представление о мире как упорядоченном хаосе, возникшее в античности, способствовало разобщённости с восточной культурой, в рамках которой отношение к миру не было связано с преобразованием хаоса. Запад не вник в предостережение Лао-цзы о том, что, начав действовать, чтобы преодолеть хаос, человек способен внести в этот мир еще больший хаос.

Какая же судьба ожидает западную культуру в XXI веке? Что уберёжёт её от кризисных состояний «посткультуры» и хаотичного саморазрушения? Что позволит индивидуальному сохранить себя и свою неисчерпаемую глубину, тем самым уберечь человечество от универсализации, процветающей сегодня, предпринимательской культуры, как продукта потребленческого общества? Потребленческая культура, как это ни парадоксально звучит, это форма самоуничтожения культуры, ибо обесценивает потуги *homo culturae* преобразовать себя через преобразование мира. Потребленческая культура предлагает свести суть своего бытия к животному, которое только поддерживает свой вид, но ни как не развивается. В обществе потребления человек как субъект культуротворчества попросту исчезает. «...Нет больше ни противоречия бытия, ни проблематики подлинности и видимости. Есть только излучение и получение знаков <...> человек потребления

имманентен знакам, которые он упорядочивает. Нет больше трансцендентности, финальности цели: общество характеризует отсутствие перспективы в отношении себя самого... Нет больше зеркала или зеркальной поверхности в современной системе, человек больше не сталкивается со своим образом, лучшим или худшим, взамен появилась витрина – геометрическое место потребления, в которой человек сам не отражается, а занимается созерцанием многочисленных предметов-знаков и поглощается системой знаков социального статуса», – пишет Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» [6, с. 240-241]. И в таком обществе трудно найти основания для определения культуры. Видимо, философский дискурс о «посткультуре» правомочен. Видимо, в XX веке, произошла катастрофа, кардинальная смена ценностей. И необходимо активизировать весь потенциал гуманитарных наук, чтобы из нее выйти. Йохан Хейзинга, автор многих философских сочинений о культуре, в трактате «Затемнённый мир», подразумевает под этим образом наш современный мир, погружившийся в ночь варварства. Человек в нём испытывает страх перед ближайшим будущим, чувство упадка и заката культуры. Свои интуиции Хейзинга выразил следующим образом: «Это не просто кошмары, мучающие нас в ночные часы, когда пламя жизни горит слабее всего. Это трезво взвешенные ожидания, основанные на наблюдениях и выводах» [7, с. 9].

В осуществлении современной «ночи» культурное развитие замещают технологии, оправдывая культуру информационного общества. А ведь модернизация, которая сегодня привела к культуре технологий, поглотившей индивидуальное, является закономерным результатом реализации стремления существовать в ритмах Запада и жертвовать традиционными ценностями. Этот императив порождён Модерном, идеи которого успешно реализуют просветители, согласно которым «Мнения правят миром!».

Оппонентами идей Просвещения явились романтики, которые выступали первыми критиками прагматичного рационализма. Просветители не поняли Средневековье, мудрого хранителя идей об абсолютной целостности, которая латентно давала о себе знать в

рационально неуловимых откровениях о трансцендентном. Они хотели, в соответствии с вызванным ими к жизни принципом «прогресса», поскорее освободиться от наследия «тёмных веков». Романтики же приняли Средневековье как традиционное наследие, которым нельзя пренебречь. Рубеж XX - XXI веков чётко ощутил несовершенство и крайности прогрессивного и необходимость обращения к традиционному, достоверным источником которого есть духовный потенциал человека. Вторая половина XX века развивает тенденцию к накоплению фрагментарных знаний, точечных проблем и дробных направлений в науке. Эту конкретизацию множественности как утрату целостности во многом прогнозировал Ф. Ницше ещё в XIX веке: «Количество разрозненных впечатлений больше чем когда-либо: космополитизм языков, литератур, газет, форм, вкусов, даже пейзажа... Впечатления смыывают одно другое; инстинктивно остерегаешься воспринимать что-либо, воспринимать глубоко...» [8, с. 63]. Предсказания Ницше обрели слишком явную форму в виде дискурсивного определения – «мозаичность». Французскому культурологу и мыслителю Абраму Молю удалось своевременно найти это слово, выражающее процесс утраты целостности в силу доминанты фрагментарного, возведенного в ранг мировоззренческой детерминанты. Через мозаичное сознание оправдывает себя предпринимательская и потребительская культура, система ценностей которой управляема сиюминутными, утилитарными целями. Абрам Моль писал, что «знания складываются из разрозненных обрывков, которые больше не образуют структуры. И как следствие – гуманитарная система представлений устаревает. Технологии ее уничтожают. На смену ей приходит мозаичная культура» [9, с. 43].

Очевидно поэтому, XXI век и ощущается как вопиющее вопрошание к гуманитарному, спасительно-традиционному, реконструирующему вечное через культурные проекции современности. Но какая из гуманитарных наук сегодня максимально полно может приблизиться к запросам современного общества,

отвергающего в своём большинстве философские абстракции и моральную императивность?

«Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу, не придерживаться никакой. Что бы ни твердила молодежь о "новой морали", не верьте ни единому слову», – пишет Ортега-и-Гассет [10, с. 179]. Разуверие в моральности породило принцип двойного стандарта, в котором то, что «должно», то, что нравственно и праведно вытесняется в мёртвую зону теоретических изысков, против которых никто не возражает, но которым никто и не следует. А право на жизненную практику всё больше получает то, что «нужно», оправданное обывательским утилитаризмом, возведенным в нормы цивилизационных форм материально ориентированного общества. Следовательно, философские увещевания о добре и зле, остаются невостребованными историями о нравственности.

Гуманитарной сферой, способной быть услышанной и воспринятой современным модернизированным обществом, представляется эстетика. Наука относительно новая (XVIII век), значительно расширившая не только пространство гуманитарных наук, но и сферу их функционирования в европейской культуре через искусство. Миссия эстетики сегодня - это некое противостояние прагматизму и конъюнктуре потребительской культуры с её культом пользы. Эстетическое, как бесполезное с позиции потребителя, становится эволюционно востребованным с позиции целостного. Время собирать камни, а что, как не эстетическое, призвано воссоздать предельную целостность гармоничного миропорядка. Эстетика культивирует антиутилитарный дух. Вместе с проблематикой эстетики возникает идея культуры как «второй природы» человека. Идея эстетики является идеей культуры. Культурологическая мысль впервые появилась в эстетике как противоядие превращения человека в функциональное существо, как средство преодоления отчуждения, защиты от крайнего утилитаризма. Предметом эстетики И. Кант, а затем и развивающий

его идеи Ф. Шиллер, сделали игровую стихию как возможность свободного самовыражения, опираясь, прежде всего на искусство. Это мощное средство противостояния распространяющемуся утилитаризму. Именно поэтому эстетика, опирающаяся на вечные ценности и предельную гармонию миропорядка, способна через искусство сохранить культуру и противостоять тенденции посткультуры. Культура пытается охватить «всего» человека. При этом человек и только человек обладает культуротворческими способностями, поскольку не только рационален, но и внерационален и сверхрационален. Если для homo rationalis важно было преобразовать мир в соответствии со своим проектом и придать ему упорядоченную, систематизированную форму, то для homo creativus важно самореализоваться, опредметить свои замыслы и в этом процессе найти смысл, сходный с религиозным бессмертием. Творчество, как и некогда разум, становится доминирующим свойством, систематизирующим сущностные свойства человека, и отождествляется, главным образом, с художественным творчеством.

Пришло время менять «точку сборки», менять оптику культурного осуществления. Пришло время одевать эстетические очки для того чтобы увидеть варварство в эпоху цивилизации. Иначе массовый человек имеет все шансы выйти за пределы культуры, несмотря на то, что это внекультурное бытие и называют «массовой культурой», в недрах которой культура не представлена, а присутствует только в качестве постмодерного симулякра культуры. Хосе Ортега-и-Гассет формулирует этот феномен следующим образом: «Массовый человек обнаруживает в себе ряд "представлений", но лишен самой способности "представлять"» [10, с. 47]. То есть привычное представление человека о бытии как культурном бытии, сохраняет только оболочку, без содержательного наполнения. Очевидно, так рождается эпоха посткультуры, а в ней и «постчеловек» в качестве видимости толпы как доминирующей формы существования, у которой практически не остаётся шансов для культуротворчества. «Массы – утверждает Ортега-и-Гассет, – это те, кто плывут по течению и лишены ориентиров, поэтому массовый

человек не созидает, даже если возможности и силы его огромны» [10, с. 49]. Так возникает вопрос о возможности существования бессубъектной культуры. Ж. Бодрийяр бессубъектность определяет характеристикой «посткультуры», для которой потребительский характер становится определяющим. Посткультура отрицает субъекта деятельности, вместо которого появляется безликий «агент», средоточие сил, определяющих ход дальнейшей истории. Снимается проблема трансцендирования опыта в прежних, классических формах понимания, исчезает ключевой модус культуры – сотворчество имманентного и трансцендентного субъектов. Отсутствует определяющее, значимое, обеспечивающее смыслы в их неограниченном представлении, смыслы, определяющие ход культурного развития. Посткультура – путь толпы в никуда.

Представляется, что игровой принцип, как бытие свободного творчества, содержит возможности выхода из бесплодной статики толпы и привнесения в массовость обновлённой индивидуации, инициируя прорывы эпохи «безкультурья». В этой связи, эстетика представляется познанием и самопознанием искусства как выражение духа игры, а не утилитарного интереса. Цель эстетики по Канту – реабилитация эпикуровского гедонизма, следовательно, игра как творчество осуществляет протест против формализации и технологий. М. Вебер отстаивает, якобы противоположную позицию, определяя предназначение эстетики в уничтожении чувственного наслаждения жизнью. Но при кажущейся противоречивости этих взглядов на эстетику, толкование её сути едино. Чувственное наслаждение достаточно мимолётное и всегда не досказанное состояние. Достижение глубинного наслаждения возможно только в высших формах отражения мировой гармонии, что в мире несовершенных людей явление абстрактное. Познание в современных формах своего осуществления всё более отдаляется от фундаментальности, а генетический зов к целостности не имеет шансов к осуществлению в фрагментарности социальной бытийственности. В этой картине эстетика выступает идеалом, вечно ускользающим в мире просветительской модернизации, граничащей с

профанацией и зачислением романтического порыва к утопии. Эстетика несёт миссию сохранения метаисторического образца исторического осуществления культуры. На фоне предпринимательской культуры, которая содержит опасность универсализации своих ценностей в виде пользы и выгоды, эстетика для одних – бесполезна, для других – единственная форма мировоззренческого прецедента сохранения культуры в её надкультурных основаниях. Игра в эстетике – спасение глубоко субъективного, потенциально хаотичного как нескончаемого хранилища вариантов разворачивания бытия и творения культуры. В наиболее безусловном виде дух свободы сохранён в игровой природе искусства, из многообразия видов которой музыка хранит потенциал непроявленного хаоса, открывающего безграничные возможности *homo culturae* звучать в соответствии с современностью не утратив традиционного. В метафизических принципах музыки как в вечном осуществлении игровой природы отражаются фундаментальные принципы культуры, которая функционирует и развивается как игра. И до тех пор, пока цивилизация не жертвует игровой стихией, пока дух игры жив, не угасает и культура, а значит, будет жить и человек. Человек как субъект истории и как субъект культуры.

Чем более интенсивными становились процессы модернизации, тем неустрашимей являлся процесс осознания того, что такое культура, ибо только культура выступает гарантией того, что модернизация как объективный процесс истории не превратит окончательно человека в объект. Следовательно, культура способна предохранять от крайностей модернизации. Лишь она сможет обеспечить выживание человечества в ситуации нарастающего «прогресса» цивилизации. В культуре наше спасение!

Сегодня мы взываем к культуре. Ибо ее существование в опасности, вследствие модерна, открывшего врата царству политики и экономики, верховенству прагматизма и утилитаризма, абсолютизации предпринимательской установки в построении картины мира. Эстетика и культурология как верные дочери

философии, слабо вписываются в процессы модернизации, вследствие чего и вытесняются на современные задворки элитарности, гордо ожидая своего выхода в нафталиновых комодах вечных ценностей. Но ведь их миссия исключительна – они хранительницы музыкально звучащего хаоса и творческого потенциала разворачивания культурного сценария, весь замысел которого знает только «Автор». Формализация им противопоказана. В мире рыночных отношений понятия гуманитарный или философский «продукт» лишает априорного смысла вечные ценности музыкально-игровой природы свободного творчества, выступающего условием осуществления культуры в обновлённых и эволюционных формах.

Культура – это бытие, в котором сохраняются гуманитарные ценности, определяющие истинное предназначение человека и уберегающие от разрушения его жизненное пространство. Культура во времена утилитаризма и культурного варварства, призвана удерживать барометр вечных ценностей. Поэтому культура не вписывается в модернизацию. В этом ее исключительная миссия. В этом наша «обречённость» на культуру как убежище, лоно, первобытие, мудро оберегающее заигравшегося младенца от опасности саморазрушения. *Homo culturae* – и только! Иного не дано. «Автор» знает, как продлить пьесу в вечности. Доверимся ему, осуществляя роль *HOMO CULTURAE* в его метаисторическом предназначении.

Литература:

1. Флиер А.Я. Науки о культуре после постмодернизма // Флиер А.Я. Культурология 20-11. – М.: Согласие, 2011; Шапинская Е.Н. Культурологический дискурс после постмодернизма // Обсерватория культуры. 2010. № 6; Бычков В.В. Художественный Апокалипсис культуры. Строматы XX века. Кн. 1- 2. – М.: Культурная революция, 2008.

2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Наука, 1993; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. — М.: Рольф, 2002.

3. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973; Бердяев Н. О культуре / Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. – С. 237-252;

Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – СПб.: РХГИ, 1997; Рерих Н. Культура и цивилизация. – М.: МЦР, 1997.

4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб. : РХГИ, 2000; Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм //Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996. – С. 372-392.

5. Августин Блаженный. Исповедь. – М.: Даръ, 2007.

6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Культурная революция, 2006.

7. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.

8. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная Революция, 2005.

9. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973.

10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002.

УДК 1(091)+141.145

Denys Volodymyrovych Zhadiaiev,

PhD of philosophical sciences,

associate Professor of the

Department of Philosophy and Pedagogy

State HEI “National Mining University”

GOOD AND BEAUTY: AN AESTHETICAL ARGUMENT*

Ancient Greeks, after they won the Peloponnesus war, became enormously rich society. According to statistics, every Greek citizen had at about 10 servants in average. Society was gradually becoming prosperous and there was time enough for doing arts and philosophy. Some people in those times did such a huge leap in the advance of knowledge, that their ideas have their impact on our modern views, although those ancient people had no need to get their diplomas, grades, qualifications. There is no special need to mention that since then European society has been developing only in quantitative way, not qualitative one. For example, Pythagoras noted that morality is, probably, the most important science,

* This paper has not been published elsewhere. The paper was presented and discussed at 2nd European Summer School in Process Thought, Die Wolfsburgh Akademie, Mulheim an der Ruhr, Germany, 2012.